

Стилевые структуры студентов с разной социальной активностью

О. Н. Истратова^{1,a}, И. А. Кибальченко^{1,b}

¹Южный федеральный университет,

Институт компьютерных технологий и информационной безопасности

^aoksana-istratova@yandex.ru, ^bkibal-irina@mail.ru

Аннотация. В статье показано, что студенты с высокой социальной активностью отличаются полнотой, оптимальностью и согласованностью стилиевых структур. Получены высокие значения мер связи в стилиевых структурах студентов с высокой социальной активностью между рациональными когнитивными стилями и способами совладающего поведения, обусловленные значимыми различиями в способности к смене способов переработки информации, сформированности полнезависимости, толерантности к нереалистическому опыту, абстрактности концептуализации, открытости познавательной позиции и вариативности ментального кругозора в сочетании со стремлением к планированию решения проблем. Стилиевые структуры студентов с низкой социальной активностью в сравнении со студентами со средней и высокой социальной активностью отличаются неустойчивостью и неоптимальностью в силу «выпадения» из структуры таких переменных, как принятие ответственности, узкий диапазон эквивалентности, конкретная концептуализация. Стилиевые структуры студентов со средней социальной активностью представляют промежуточный вариант между стилиевыми структурами в двух других группах, что обусловлено высокой конфронтацией, трудностями в установлении и поддержании контактов, трудностями в решении проблем. В итоге в стилиевых структурах студентов обнаружены как признаки структурированности их составляющих, так и признаки факторов риска, что дает основание утверждать об открытости вопросов стилиевых структур студентов.

Ключевые слова: социальная активность, стилиевые структуры, когнитивные стили, способы совладающего поведения, познавательная позиция, студенты

Style structures of students with different levels of social activity

O.N. Istratova^{1,a}, I. A. Kibal'chenko^{1,b}

¹Southern Federal University,

Computer Technologies and Information Security Institution.

^aoksana-istratova@yandex.ru, ^bkibal-irina@mail.ru

Abstract. The article is aimed at showing that the students with high social activity have full, optimal and correlated style structures. Researchers prove that students with high social activity style structures are characterized by high values of correlation between rational cognitive styles and types of coping behavior. These high values are determined by the difference in abilities to change the ways of information processing and organization, field independence level, tolerance for unrealistic experiences, conceptualization abstractedness, the level of cognitive positioning, mental outlook flexibility as well as pursuance of planning to solve the problems. Students with low social activity style structures differ from the structures of students with mean and high social activity.

This discrepancy involves instability and non-optimality because of lack of such “variables” as responsibility admission, narrow equivalence range and conceptualization in the above mentioned structures. Style structures of students with mean social activity differ from style structures of two other groups, it is caused by high level of confronting, contacts establishment and maintenance challenge, difficulties in solving problems. As a result we can assert with confidence that style structures have the signs of statefulness as well as of risk factors, i.e., the problem of students style structures is still open.

Key words: social activity, style structures, cognitive styles, types of coping behavior, cognitive positioning, students

В современных общественных условиях динамичных изменений, как в политической, экономической, так и социальной сферах, когда информатизация всех процессов (как производственных, так и социальных) требует от субъекта способности оперативно перерабатывать большие потоки информации (подчас в сжатые сроки), сохраняя при этом гибкость и креативность в решении проблем, особые ожидания предъявляются к молодежи. Именно молодежь выступает как важное условие социально-экономических перемен как инновационная сила общественного развития. Она является тем потенциалом, на который опирается современное общество. Как подчеркивается в базовом документе концепции молодежной политики РФ, «стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям. Ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи» (Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., 2014: 4). Это требует высокой социальной активности молодых людей. Их созидательная социальная активность сегодня является приоритетом государственной молодежной политики и современного отечественного образования.

В исследованиях (Волочков А.А., 2007) человека как активного субъекта определена концепция целостной активности субъекта конкретных сфер жизнедеятельности. Показаны ее функции и предложен принцип оптимума противодействий в освоении различных сфер бытия как условие саморазвития субъекта различных сфер жизнедеятельности.

Разновидностью собственно активности субъекта является социальная активность, которая в свою очередь, представляется родовым понятием к таким ее формам, как учебная, познавательная, коммуникативная, общественно-политическая, производственная активность. В психологических исследованиях социальной активности подчеркивается, что это «сознательная, самостоятельная деятельность, направленная на удовлетворение собственных потребностей личности и на решение общественно значимых задач» (Эксакусто Т.В., 2011: 53). В процессе взаимодействия с окружающим пространством субъект может проявлять как адаптивную, так и дезадаптивную социальную активность, как конструктивную, так и деструктивную ее формы. Очевидно, что в контексте решения социальных задач, актуальность приобретает именно адаптивная конструктивная социальная активность молодежи.

Рассматривая социальную активность студентов, как представителей учащейся молодежи, исследователи (Грунт Е.В., 2015: 890-902, Харланова Е.М., 2011: 173-178) отмечают, что это «состояние и интегративное свойство личности, выражающееся в ее готовности и способности в процессе получения высшего образования быть субъектом социального взаимодействия, преобразовывать себя и окружающую среду во благо общества

для достижения личных и социально ориентированных целей» (Харланова Е.М., 2011: 173), что обуславливает самореализацию личности (Грунт Е.В., 2015). Однако для современных студентов характерна больше прагматическая и индивидуалистическая направленность их социальной активности, недостаточная готовность следовать социальным нормам в решении общественных задач, предпочтение конкурентных способов взаимодействия с окружающими сотрудничеству (Харланова Е.М., 2011: 178). Это становится фактором риска кризиса социальной субъектности студентов и формирования социальной пассивности или дезадаптивной активности. Исследования (Грунт Е.В., 2015, Харланова Е.М., 2011) показывают, что наибольшую социальную активность студенты проявляют в рамках своей учебно-профессиональной деятельности. Успешность в данном виде активности студенты связывают в целом с личностной успешностью. При этом, однако, критериями этой успешности выступают внешние оценки (одобрение друзей, признание педагогов и др.). Ряд исследований, проведенных нами на школьниках и студентах (Истратова О.Н., Кошель А.И., Рябухина В.В., 2013, Кибальченко И.А., Гончарова Е.О., 2012) показали, что активные в учебной и учебно-профессиональной деятельности субъекты характеризуются автономностью в организации собственной активности, способностью самостоятельно планировать деятельность и поведение, гибкостью и адекватностью реагирования на изменение условий, самостоятельностью в выдвижении и достижении цели, выполнении поставленных перед ними задач без посторонней помощи и контроля, готовностью к сотрудничеству и принятию помощи, более высоким уровнем психологической готовности к профессиональному самоопределению (Истратова О.Н., Кошель А.И., Рябухина В.В., 2013: 72), творческим уровнем познавательной активности (Истратова О.Н., Волошена Е.А., 2014), сформированностью контроля действий, регуляции в ситуации решения учебных задач, высокой и средней рефлексивностью. Студенты с низкой учебной активностью, напротив, отличаются несформированностью самооценки обучаемости, регулятивного и мотивационного компонентов, низкой и средней рефлексивностью (Кибальченко И.А., Гончарова Е.О., 2012).

Образовательные реформы обуславливают актуальность развития позитивной социальной активности студентов: инновации в формах преподавания, введение проектной деятельности как одного из ключевых направлений вузовского образования, требующего от студентов навыков групповой работы, творческого мышления, научной рефлексии, открытости познавательному опыту; введение модулей академической мобильности студентов, в течение которых они призваны самостоятельно выбирать образовательные траектории, что требует высокой познавательной активности, самостоятельности, научно-профессиональной мотивации, высокой стрессоустойчивости в условиях информационных перегрузок. Все это накладывает повышенные ожидания общества к интеллектуальным и личностным ресурсам студентов, которые к данному возрасту уже достаточно сформированы и устойчивы. Так в интеллектуальной сфере ресурсной функцией обладает совершенствование умения ориентироваться в различных формах теоретического знания, рост значения саморефлексии и адекватной оценки своих интеллектуальных качеств, возникновение потребности к систематизации получаемой информации, формирование направленности на самостоятельный поиск новых идей, развитие интеллектуальной инициативы и дивергентного мышления, формирование индивидуального стиля интеллектуальной деятельности. В личностной сфере – это выработка индивидуального жизненного стиля, формирование жизненной позиции и стратегии, устойчивость и отчетливость ценностных ориентаций и мировоззрения, потребность и способность к нравственной саморегуляции, личностному росту, личностный уровень ответственности и самоконтроля (Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н., 2017: 103-104). Довольно много исследований, посвященных изучению интеллектуального и личностного ресурсов в контексте связи их компонентов с различными сторонами активности субъекта, в том числе и его социальной активности. Однако более перспективным является рассмотрение интеллектуального и личностного ресурсов студентов как единой интегративной

переменной, являющейся одним из кристаллизующих оснований общей модели ресурсов личности, позволяющим сохранять психологическую устойчивость, сопротивляемость неблагоприятным воздействиям, определяющим возможность, разрешая жизненные задачи, идти по пути развития и самосовершенствования (Истратова О.Н., Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., 2015). При этом, основываясь на том, что юношеский возраст и начало молодости (возраст студенчества) сензитивен к формированию устойчивых стилей активности, как в интеллектуальной деятельности (когнитивные стили), так и в поведении (например, в стилях совладающего поведения), представляется актуальным рассмотрение стилевых структур, как устойчивых предикторов интеллектуально-личностного ресурса (Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н., 2017) в контексте проблемы социальной активности студентов. Так понимание того, как происходят обработка и кодирование поступающей информации, использование в учебном процессе познавательных стратегий, способов воспроизведения информации и контроля, позволяет оптимизировать формы и способы ее предоставления и прогнозировать успешность учебно-профессиональной деятельности обучающихся, владеющих системой когнитивных стилей.

Несмотря на относительно длительную историю стилевого подхода в отечественной психологии (Артамонова Ю.Т., Холодная М.А. (Холодная М.А., 2004), Шкуратова И.П., и др.) и зарубежной психологии (Armstrong S. J., 2000, Laurence, M. W., Arrowood, A. J., 1987, Witkin, H. A., Goodenough, D. R., 1982) появление разных аспектов изучения стилей субъекта (когнитивные познавательные стили (Холодная М.А.), стили деятельности и стили профессиональной деятельности (Толочек В.А), стили понимания (Берулава Г.А.), когнитивные стили и их взаимосвязи остаются мало разработанной проблемой. Изучение стилей деятельности как психологических систем – одно из актуальных направлений современных исследований. Многоаспектность и системность изучения когнитивных стилей молодежи обусловлена еще и тем, что они не только характеризуют процессуальные особенности человека, но и представляют собой высоко обобщенные характеристики, осуществляющие интеграцию показателей когнитивной и личностной сфер человека (Холодная М.А., 2004: 23), отражают различия в способах деятельности и поведения, которые во многом определяют ее успешность, эффективность, опасность или безопасность.

Исследование особенностей когнитивных стилей студентов с высокой успеваемостью (Кибальченко И.А., Забалуева А.И., 2016: 258-279) показало, что для них значимо (при $p < 0,05$) характерна связь уверенности и относительного спокойствия с полнезависимостью при выполнении интеллектуальной деятельности. На примере студентов-математиков (Трегубова А.В., 2011) показано, что для студентов с высокой учебной активностью характерны следующие их виды: полнезависимость ($p \leq 0,01$), что объясняется способностью полнезависимых студентов в ситуации обучения легко преодолевать сложный контекст и в решении учебных задач ориентироваться на внутренние критерии (собственный опыт); рефлексивность ($p \leq 0,01$), что может быть обусловлено особенностью учебных задач студентов-математиков, требующих тщательного анализа с рассмотрением нескольких альтернатив. Однако связь когнитивных стилей с активностью опосредована личностными особенностями студентов, их способностью адаптировать выработанный стиль обработки информации требованиям задачи, профессии. А это, в свою очередь требует высокого самоконтроля, саморегуляции, личностной рефлексивности, способности разрешать неординарные, трудные ситуации.

Необходимо при этом учитывать, что студенческий возраст характеризуется кризисностью в разных аспектах. С одной стороны, весомая его часть приходится на юношество, понимаемое в психологии, как критический возраст в связи с переходом во взрослую жизнь и формированием готовности к решению взрослых задач развития, начинающих с жизненного и профессионального самоопределения. С другой стороны, студенты, особенно первых курсов, испытывают порой жизненный кризис, связанный с «ломкой» привычных стереотипов жизни и учебы, сочетающейся с частой материальной и бытовой неустроенностью, неопределенностью социального статуса, интенсивной

умственной работой и периодическими экзаменационными стрессами» (Психология стресса и совладающего поведения, 2013: 252-253). Это требует достаточного развития ресурсов совладания с трудными жизненными, в том числе и стрессовыми ситуациями. Рассматривая копинг-поведение, как целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту с помощью осознанных стратегий, адекватных личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией (Крюкова Т.Л., 2008), где главная задача – обеспечение и поддержание благополучия человека, его физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями, можно выделить активную его форму, как целенаправленное устранение или ослабление влияния стрессовой ситуации, так и пассивную, предполагающую использование различного арсенала механизмов психологической защиты, которые направлены на снижение эмоционального напряжения, а не на изменение стрессовой ситуации (Нартова-Бочавер С.К., 1997).

Среди всего многообразия способов поведения человека в трудной для него ситуации можно выделить конструктивные и неконструктивные стратегии. Конструктивные стратегии направлены на преодоление травмирующих обстоятельств, на активное преобразование ситуации, в результате чего возникает чувство роста собственных возможностей, усиление себя как субъекта собственной жизни. К ним относятся:

- обращение за помощью к другим людям, включенным в данную ситуацию или обладающим опытом разрешения подобных проблем;
- достижение цели собственными силами;
- тщательное обдумывание проблемы и различных путей ее решения;
- изменения в самом себе, в системе собственных установок и привычных стереотипов;
- изменение своего отношения к проблемной ситуации.

Неконструктивные стратегии поведения представляют собой различные формы самоуспокоения и выхода негативной энергии, создающие иллюзию относительного благополучия. К ним относятся:

- импульсивное поведение, эмоциональные срывы, экстравагантные поступки, необъяснимые объективными причинами;
- формы психологической защиты (вплоть до вытеснения проблемы из сознания);
- агрессивные реакции.

К сущностным свойствам стратегий поведения, стилей как психологических систем относится мера структурированности их составляющих. Она определяет эффективность стиля субъекта (Толочек В.А., 2015). Рассмотрение взаимосвязи когнитивных и личностных стилевых структур в контексте проблемы социальной активности студентов представляется перспективным направлением, так как выявление их специфики у субъектов с разной социальной активностью позволит лучше понять ресурсную роль этих структур в социальной адаптации обучающихся, в организации стилевых структур понимания собственной успешности в личностном и профессиональном развитии, в организации стиля понимания, стиля деятельности и стиля собственной жизни в целом.

Можно предположить, что для социально активных студентов в сравнении со студентами с низкой и средней социальной активностью будут более характерны активные виды способов совладающего поведения и рациональные когнитивные стили, однако направленность вовне, необходимость скоростной обработки информации в современном мире может обусловить снижение рефлексивности как личностного качества и рефлексивности как типа когнитивного стиля.

Стилевые структуры у студентов с разной социальной активностью будут отличаться по критериям: полнота, дифференцированность/интегрированность, непротиворечивость, оптимальность. Особенности стилевых структур обусловлены значимыми различиями в способах совладающего поведения и когнитивных стилях в этих группах.

Для проверки данного предположения было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали студенты 3 курса Инженерно-технологической академии

Южного федерального университета. Общее количество участников исследования - 108 человек, разделение по гендерному признаку - 50% / 50%, средний возраст - 20,3 лет.

Использованные методики:

1. Биографический опросник (BIV - Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltenstörungen - биографический опросник по диагностике нарушений поведения) является многомерным опросником, который может применяться для изучения тех или иных аспектов биографии, окружающей среды и личности испытуемых. В целях исследования использовались результаты по шкале SOZAKT - социальная активность, понимаемая как способность налаживать и поддерживать контакты, отсутствие робости в раскрытии себя другим.

2. Сокращенный вариант опросника для изучения когнитивных стилей индивидуальности (КСИЧ-В, В.М. Русалов, О.Н. Манолова, Н.А. Велумян). В исследовании использовались шесть основных когнитивных стилей, представленных в виде 12 самостоятельных шкал: полезависимость, полнезависимость, узкий диапазон эквивалентности, широкий диапазон эквивалентности, гибкость, ригидность, импульсивность, рефлексивность, конкретная концептуализация, абстрактная концептуализация, толерантность к нереалистическому опыту, нетолерантность к нереалистическому опыту.

3. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана - для определения способов преодоления трудностей в различных сферах. Шкалы: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения, положительная переоценка.

Для обработки данных использовались статистические методы: количественные (описательные статистики, корреляционный, эксплораторный, угловое преобразование Фишера для сравнения значений, выраженных в %); качественные (контент-анализ содержания протоколов). Статистическая обработка результатов исследования производилась с помощью стандартизированного статистического пакета IBM SPSS Statistics V. 22.0.

По уровню социальной активности респонденты разделились следующим образом (рис. 1):

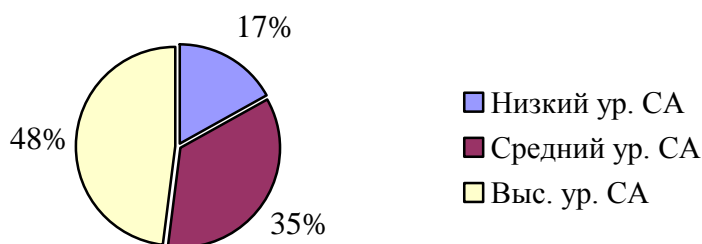

Рис. 1. Распределение участников исследования по уровням социальной активности

Большинство участников исследования (52 чел., 48 %) демонстрируют высокий уровень социальной активности: они общительны, способны устанавливать и поддерживать контакты, могут обсуждать свои личные проблемы с любым человеком, то есть не боятся раскрыться перед другими, любят большое общество, окружающие воспринимают их как активных людей. Все эти характеристики, но в несколько меньшей степени свойственны респондентам со средним уровнем социальной активности (38 чел., 35 %): они контактны, но более сдержанны в самораскрытии в общении, участие в мероприятиях их не тяготит, но и сильного стремления не вызывает. Студентов с низким уровнем социальной активности

оказалось меньше всего (18 чел., 17 %), что ожидаемо в силу возрастных особенностей участников исследования. Для респондентов с низким уровнем социальной активности характерна неспособность устанавливать и поддерживать контакты, они испытывают трудности раскрытия себя, не любят участвовать в мероприятиях.

Необходимо отметить, что, несмотря на разный уровень социальной активности, для всех респондентов характерен повышенный уровень напряжения в межличностном и социальном взаимодействии (6,5-7,5 баллов по шкале SOZILAG опросника BIV), что является фактором риска социальной дезадаптации. Эти результаты подтверждают положение о двойном (возрастном и жизненном) кризисе, переживаемом студентами.

Анализ результатов диагностики когнитивных стилей и типа познавательной позиции, копинг-стратегий и рефлексивности позволил сформировать портреты выделенных групп студентов с разной социальной активностью, а также – описать их стилевые структуры.

Студенты с высокой социальной активностью (СА). При доминировании среднего уровня выраженности всех копингов (как и в других группах) наблюдается меньшая встречаемость (8%) высокой конфронтации в сравнении со студентами со средней СА (26%) ($\varphi^*_{эмп.} = 2.093$, $p \leq 0,05$), то есть, по сравнению со студентами с низкой СА, эти студенты характеризуются более частым прибеганием к неоправданному упорству, противостоянию, но с меньшей встречаемостью такого типа поведения по сравнению со студентами со средней СА. В копинг-поведении наблюдается тенденция в наличии трудностей в дистанцировании, применении приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора, обесценивания и т.п., по сравнению со студентами с низким уровнем СА (22%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.752$, $p \leq 0,05$), практически отсутствует низкий уровень такого копинга, как планирование решения проблемы (1%) в сравнении со студентами со средней СА (21%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.667$, $p \leq 0,05$), то есть данные студенты характеризуются наличием потенциала для решения проблем.

При доминировании среднего уровня рефлексивности (81 %) наблюдается очень редкая встречаемость ее высокого уровня (4%) в сравнении со студентами со средней СА (21%). Можно предположить, что данный факт является фактором риска адекватной оценки ситуации и в целом, развития самосознания и самоопределения. Однако можно предположить и то, что у таких студентов возможен быстрый и точный когнитивный стиль, что планируется проверить в перспективе.

Анализ результатов по исследованию когнитивных стилей показал низкий (42 %) и средний (54 %) уровни полнезависимости, средний (69 %) и высокий (31 %) – полнезависимости (при полном отсутствии низкого уровня). Можно говорить о тенденции к способности перемещения по стилевой оси с одного полюса на другой как ресурсе психологической дифференциации, являющейся индикатором высокого уровня интеллектуального развития. Это подтверждается реже встречающимся когнитивным стилем «Узкий диапазон эквивалентности» низкого уровня (42%) в сравнении со студентами с низкой СА (56%) ($\varphi^*_{эмп.} = 4.322$, $p \leq 0,01$), а так же реже встречающимся средним уровнем того же когнитивного стиля (54%) в сравнении со студентами со средней СА (84%) ($\varphi^*_{эмп.} = 2.887$, $p \leq 0,01$). Он проявляется на высоком уровне и реже – на низком ($\varphi^*_{эмп.} = 2.702$, $p \leq 0,01$). Для узкого диапазона эквивалентности характерна опора на явные физические особенности объектов, а для широкого – на признаки скрытые, дополнительные. То есть в ситуации когнитивного конфликта студенты данной группы способны к смене способов переработки информации. По сравнению со студентами с низкой СА студенты данной группы более толерантны к нереалистическому опыту ($\varphi^*_{эмп.} = 1.967$, $p \leq 0,01$), меньшей импульсивностью, реже встречающейся конкретной концептуализацией высокого уровня ($\varphi^*_{эмп.} = 3.205$, $p \leq 0,01$) и чаще встречающейся высокой абстрактной концептуализацией ($\varphi^*_{эмп.} = 2.11$, $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что больше половины (58 %) студентов данной группы проявляют как высокую дифференциацию, так и высокую интеграцию понятий, для них характерна свобода от непосредственных свойств ситуации, ориентация на внутренний опыт в объяснении физического и социального мира, склонность к риску, независимость,

гибкость, креативность и т. д. Это проявляется и в открытой познавательной позиции (35 %). 50% студентов с высокой СА отличаются вариативностью познавательной позиции и ментального кругозора.

Согласно результатам факторного анализа, определена факторная стилевая структура (Таблица 1), обусловленная значимыми различиями в группах студентов с разной социальной активностью.

Таблица 1.

Факторная структура, включающая показатели когнитивных стилей и способов совладающего поведения студентов с высокой социальной активностью

Повернутая матрица компонентов^a						
	Компоненты (с совокупной дисперсией 94,84%)					
	1	2	3	4	5	6
Конфронтация	,355	,248	,087	-,497	,518	,475
Дистанцирование	-,664	,385	-,590	,101	-,177	,035
Самоконтроль	,130	,044	-,846	,409	,133	-,030
Поиск социальной поддержки	,308	,823	-,027	,362	-,168	-,153
Принятие ответственности	-,759	,391	,075	,132	,264	-,039
Бегство/избегание	-,280	,911	-,007	-,080	,184	-,135
Планирование решения проблемы	,831	-,034	-,313	-,031	,155	,055
Положительная переоценка	,315	,050	-,291	,348	,777	,011
Уровень рефлексивности	-,380	-,010	,619	,339	-,192	,550
Полезависимость	-,687	,124	,587	,175	-,024	-,289
Полнезависимость	,643	-,682	,033	,112	-,295	,042
Узкий диапазон эквивалентности	-,340	,194	,568	,674	,031	-,209
Широкий диапазон эквивалентности	,172	-,189	,020	,067	-,042	,956
Гибкость	-,012	-,086	-,139	,958	,088	,208
Ригидность	-,309	-,767	,053	,515	-,040	-,054
Импульсивность	-,247	,069	-,231	-,094	,860	-,094
Рефлексивность	,973	,131	,050	,037	-,068	-,128
Конкретная концептуализация	-,810	-,385	,063	,394	-,158	-,107
Абстрактная концептуализация	,848	-,201	-,134	-,232	-,282	,207
Толерантность к нереалистическому опыту	,916	,206	,032	,134	,247	,129
Нетолерантность к нереалистическому опыту	,041	-,040	,914	,105	-,352	,103
%	31,52	15,6	15,48	13,09	10,72	8,44

Примечание. Выделены переменные, вошедшие в соответствующий фактор с наибольшим весом.

В процессе факторного анализа удалось осуществить поиск оптимальной факторной структуры (вращения факторов). После вращения структура включает 6 факторов (с весом от 31,52% до 8,44%) с полным набором переменных. Поэтому можно утверждать, что она полная, достаточно оптимальная и устойчивая.

Рассмотрим полученные факторы.

1-ый фактор имеет наибольший вес (31,52%) включает напрямую связанные способ совладающего поведения «Планирование решения проблемы» и такие рациональные когнитивные стили, как «Рефлексивность», «Толерантность к нереалистическому опыту». Обрато взаимосвязанные пары переменных («Абстрактная концептуализация» и «Конкретная концептуализация», «Полезнезависимость» и «Полезависимость»), так же «Дистанцирование» только подтверждают согласованность результатов по этим стилям. Элементом риска в этой структуре является обратная связь с переменной «Принятие ответственности», что обусловлено недостаточной сформированностью этого способа у студентов. Этот фактор можно назвать кристаллизующим и обозначить как «Когнитивно-личностные способы решения проблем».

2-ой фактор (15,6%) включает напрямую связанные «Поиск социальной поддержки» и «Бегство/избегание», а так же обрато связанную ними и менее проявляющуюся «Ригидность». Можно назвать «Недостатки поиска социальной поддержки».

3-ий фактор (15,48%) включает напрямую связанные «Уровень рефлексивности», «Нетолерантность к нереалистическому опыту» и обрато связанные с переменной «Самоконтроль», что обусловлено их сформированностью. Его можно назвать как «Рефлексивно-контролирующий».

4-ый фактор (13,09%) включает напрямую связанные «Узкий диапазон эквивалентности» и «Гибкость», который можно назвать «Первичная обработка информации».

5-ый фактор (10,72%) включает напрямую связанные «Конфронтацию», «Импульсивность» и «Положительную переоценку», что для них практически не характерно. Этот фактор можно назвать «Недостатки собственных усилий в личностном росте».

6-ой фактор (8,44%) включает всего лишь одну переменную «Широкий диапазон эквивалентности», что отражает их опору на скрытые дополнительные признаки информации и более высокий уровень интеллектуального развития.

Студенты со средней социальной активностью. Их арсенал стратегий совладающего поведения (при схожести с другими группами в доминировании всех типов копинг-стратегий) характеризуется достоверным преобладанием высокой конфронтации в сравнении со студентами с высокой СА ($\varphi^*_{эмп.} = 2.093, p \leq 0,05$) и низкой СА ($\varphi^*_{эмп.} = 3.749, p \leq 0,01$). То есть у данных студентов не всегда находится ресурс конструктивного решения проблемы, что, возможно, связано с их трудностями в установлении и поддержании контактов. Также отмечается более частая встречаемость низкого уровня (21%) такого копинга, как планирование решения проблемы в сравнении со студентами с высокой СА (1%), а так же с низкой СА (1%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.667, p \leq 0,05$), то есть наличием студентов, не владеющих стилем решения проблем.

У студентов данной группы наибольший процент встречаемости высокого уровня рефлексивности (21 %) по сравнению с другими группами, что делает их более сильными в плане личностных ресурсов.

В когнитивных стилях отмечается более частая встречаемость среднего уровня полнезависимости (63%) в сравнении со студентами с низкой СА (33%) ($\varphi^*_{эмп.} = 2.91, p \leq 0,01$) и более редкая встречаемость высокого уровня полнезависимости (37%) в сравнении со студентами с низкой СА (67%) ($\varphi^*_{эмп.} = 2.538, p \leq 0,01$). То есть 37% студентов данной группы склонны к высокой психологической дифференциации как высокому уровню интеллектуального развития. Только у студентов данной группы наблюдается высокий уровень стиля «Узкий диапазон эквивалентности» (37 %). Как и студенты с высокой СА, студенты со средней СА проявляют большую гибкость по сравнению со студентами с низкой СА ($\varphi^*_{эмп.} = 1.87, p \leq 0,05$). Они демонстрируют среднюю легкость перехода от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу некоторой сформированности степени их автоматизации. Они менее импульсивны, по сравнению со студентами с низкой СА ($\varphi^*_{эмп.} = 1.967, p \leq 0,01$).

Познавательная позиция представлена на всех уровнях: закрытая (21 %), неопределенная (смешанная, 32 %) – реже, чем у других групп ($\varphi^*_{эм.} = 2.093$, $p \leq 0,05$), открытая (47 %).

Факторная матрица, включающая показатели когнитивных стилей и способов совладающего поведения студентов со средней социальной активностью (Таблица 2) после вращения включает 7 факторов (с весом от 31,52% до 8,44%) с полным набором переменных. Поэтому можно утверждать, что она полная, достаточно оптимальная и устойчивая.

Таблица 2.

Факторная структура, включающая показатели когнитивных стилей и способов совладающего поведения студентов со средней социальной активностью

Повернутая матрица компонентов							
	Компоненты (с совокупной дисперсией 82,7%)						
	1	2	3	4	5	6	7
Конфронтация	-,138	-,047	,069	-,054	-,281	,833	,217
Дистанцирование	,124	-,071	,021	,853	-,032	,029	-,115
Самоконтроль	,188	,118	,244	,802	,123	-,005	-,208
Поиск социальной поддержки	,242	,643	-,109	-,616	,069	,252	-,035
Принятие ответственности	,136	,266	,808	,172	,100	,270	-,084
Бегство/избегание	,080	,303	-,050	,377	,472	,511	,174
Планирование решения проблемы	,663	,191	,480	-,298	-,059	,229	-,027
Положительная переоценка	,607	,055	,231	,006	-,086	,596	-,125
Уровень рефлексивности	,166	,828	,165	,007	-,060	,139	-,075
Полезависимость	-,101	,806	,132	,065	,180	-,452	,129
Полenezависимость	-,245	-,564	,126	,074	-,459	-,070	,463
Узкий диапазон эквивалентности	-,318	,314	-,022	-,224	,065	,332	,705
Широкий диапазон эквивалентности	-,684	-,193	-,150	-,048	,021	,362	,275
Гибкость	,322	-,148	,883	,167	-,041	-,077	,105
Ригидность	-,151	,002	-,362	-,455	,715	-,087	,097
Импульсивность	,158	-,154	-,086	-,175	,093	,037	,873
Рефлексивность	,264	,194	,580	,047	,350	-,102	-,232
Конкретная концептуализация	-,267	,063	,323	,208	,697	-,265	,004
Абстрактная концептуализация	,852	-,062	,184	,267	,063	,043	,026
Толерантность к нереалистическому опыту	,400	,032	,306	,074	,692	-,106	,105
Нетолерантность к нереалистическому опыту	-,698	-,400	-,201	-,311	-,118	,028	-,304
%	15,68	12,77	12,49	12,19	10,58	9,90	9,09

Рассмотрим полученные факторы.

По ряду характеристик (целостность, полнота, оптимальность) структура схожа со стилевой структурой в группе студентов с высокой СА.

1-ый фактор (15,68%) включает напрямую связанные «Планирование решения проблемы», «Положительную переоценку», «Абстрактную концептуализацию» и обратно связанные «Широкий диапазон эквивалентности» и «Нетолерантность к нереалистическому опыту». Этот фактор можно назвать как «Потенциал в решении проблем» с перспективой развития широкого диапазона эквивалентности.

2-ой фактор (12,77%) включает напрямую связанные «Уровень рефлексивности», «Полезависимость» и обратно связанную с ними «Полenezависимость», что отражает недостатки познавательной активности и ошибки в обработке информации.

3-ий фактор (12,49%) включает напрямую связанные «Принятие ответственности», «Гибкость» и «Рефлексивность». Его можно назвать как рациональный фактор «Рефлексивное принятие ответственности».

4-ый фактор (12,19%): включает напрямую связанные «Дистанцирование», «Поиск социальной поддержки» и обратно связанный «Самоконтроль», его назвать как «Недостатки поиска социальной поддержки».

5-ый фактор (10,58%) включает напрямую связанные «Ригидность», «Конкретную концептуализацию» и «Толерантность к нереалистическому опыту», что отражает трудности смены способа деятельности при готовности принимать несоответствующую имеющимся установкам информацию.

6-ой фактор (9,90%) включает напрямую связанные «Конфронтацию» и «Бегство/избегание» и представляет «Риски взаимодействия» для студентов данной группы.

7-ой фактор (9,09%) включает лишь «Узкий диапазон эквивалентности» и отражает познавательный потенциал студентов данной группы.

Студенты с низкой социальной активностью. Для них характерно отсутствие высокого уровня конфронтации ($\varphi^*_{эмп.} = 2.093, p \leq 0,05$). Они (22 %) еще чаще, чем студенты с высокой СА (8%) и средней СА (5%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.752, p \leq 0,05$) склонны пытаться преодолевать негативные переживания в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее.

Уровень рефлексивности в основном средний (89 %) и низкий (11 %). Отсутствие высокого уровня может создавать проблему, так как высокая культура рефлексии помогает формированию самосознания, профессионально важных качеств.

В когнитивных стилях отмечается более низкий (56 %) и средний (44 %) уровни полнезависимости и более частая встречаемость высокой полнезависимости (67%) в сравнении со студентами с высокой СА (31%) и в сравнении со студентами со средней СА (37%) ($\varphi^*_{эмп.} = 2.538, p \leq 0,01$). 100% встречаемость среднего уровня когнитивного стиля «Узкий диапазон эквивалентности». Отмечается тенденция более частой встречаемости низкого уровня широкого диапазона эквивалентности (22 %) в сравнении со студентами с высокой СА (5%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.752, p \leq 0,01$), а также – (низкого уровня гибкости 33 %) в сравнении со студентами со средней СА (16%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.87, p \leq 0,05$). Но 67% студентов демонстрируют среднюю легкость перехода от вербальных функций к сенсорно-перцептивным. Толерантность к нереалистическому опыту, как открытость новому познанию выражена у них в основном на среднем уровне (67 %) с реже встречающейся толерантностью к нереалистическому опыту высокого уровня (33%) в сравнении со студентами со средней СА (53%) ($\varphi^*_{эмп.} = 1.967, p \leq 0,01$). Отсутствие высокого уровня и более частая встречаемость низкого по сравнению со студентами со средней СА импульсивности говорит об определенных трудностях в быстром выдвижении гипотез в ситуации альтернативного выбора, однако можно предположить, что они и меньше допускают ошибок в идентификации перцептивных объектов.

Познавательная позиция открытая (44 %) и смешанная (56 %). Не отмечается закрытой познавательной позиции, что подтверждается толерантностью к нереалистическому опыту.

Иная картина относительно стилевых структур обнаружена в группе студентов с низкой социальной активностью. В процессе факторизации результатов получено 8 факторов (суммарная дисперсия 79,96%). На этом этапе ее можно назвать как неполную и неустойчивую. Из нее «выпали» такие переменные, как «Принятие ответственности», «Узкий диапазон эквивалентности», «Конкретная концептуализация», по сути не задействованные студентами данной группы. Это подчеркивает невозможность рассмотрения структуры дальше. В процессе вращения структура распадается. Полученный результат свидетельствует об отсутствии тенденций к интеграции когнитивных стилей и способов совладающего поведения, что обусловлено, с одной стороны, средним и низким уровнем рефлексивности, реже встречающейся толерантностью к нереалистическому опыту высокого уровня, а с другой стороны, – более частой встречаемостью высокой полнезависимости и открытости познавательной позиции у студентов данной группы, склонностью пытаться преодолевать негативные переживания в связи с проблемой,

отсутствием высокого уровня конфронтации. То есть наличием противоречий между когнитивными стилями и способами совладающего поведения.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Большинство студентов (83%) демонстрируют высокий и средний уровень социальной активности, что обусловлено их возрастными особенностями. Характерность для всех студентов повышенного уровня напряжения в межличностном и социальном взаимодействии, с одной стороны, отражает у них признаки двойного (возрастного и жизненного) кризиса, а с другой стороны, – актуальность изучения стилевых структур, включающих переменные когнитивных стилей и способов совладающего поведения у студентов с разной социальной активностью.

Особенности стилевых структур в группах студентов с разной социальной активностью обусловлены значимыми различиями в их когнитивных стилях и способах совладающего поведения. Для стилевой структуры у студентов с высокой социальной активностью характерны полнота и оптимальность, кристаллизующим фактором которой является сочетание рациональных когнитивных стилей и способов совладающего поведения. Данная структура, однако, содержит отдельные элементы недостатков собственных усилий в личностном росте студентов.

Для стилевой структуры у студентов со средней социальной активностью так же характерна полнота и оптимальность, кристаллизующим фактором которой является «Потенциал в решении проблем» с перспективой развития широкого диапазона эквивалентности. Стилевая структура в этой группе студентов отражает трудности смены способа деятельности при готовности принимать несоответствующую имеющимся установкам информацию и включает фактор риска, обусловленный высокой конфронтацией.

Несмотря на малое количество студентов с низким уровнем социальной активности (18 чел., 17 %) у них существует риск противоречий между когнитивными стилями и способами совладающего поведения, что приводит к их неструктурированности как признаку отсутствия системы, выполняющей функцию согласования когнитивных стилей и способов совладающего поведения. Полученные результаты требуют проверки на более многочисленной выборке.

Следующим шагом изучения стилевых структур студентов может стать изучение соотношения этих структур с эффективностью деятельности.

Литература

Волочков А.А. 2007. Активность субъекта бытия: Интегративный подход.– Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь.

Грунт Е.В. 2015. Социальная активность студентов технических колледжей в современной России [Электронный ресурс] / Е.В. Грунт, А.П. Зайко // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. — Екатеринбург: [УрФУ], 890-902.

Истратова О.Н., Волошена Е.А. 2014. Роль семьи в формировании познавательной активности детей дошкольного и младшего школьного возраста // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 5 (37).

Истратова О.Н., Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. 2016. Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: постановка проблемы и содержание понятия/ Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание» № 9-10, 41-45.

Истратова О.Н., Кошель А.И., Рябухина В.В. 2013. Самостоятельность современных старшеклассников в учебной деятельности, отношениях с родителями и сверстниками [Текст] / О.Н. Истратова, А.И. Кошель, В.В. Рябухина // Известия ЮФУ. Педагогические науки. Тематический выпуск. Ростов-на-Дону: ЮФУ. №. 7, 209-214.

Кибальченко И.А., Гончарова Е.О. 2012. Взаимосвязь компонентов учебной активности и рефлексивности старшеклассника XI Всероссийская научная конференция молодых ученых, студентов и аспирантов «Техническая кибернетика, радиоэлектроника и системы управления»: Сборник материалов. – Таганрог: ЮФУ, 2012. – Т. 2, 140-141.

Кибальченко И.А., Забалуева А.И. 2016. Когнитивные стили студентов ВУЗа // Наука и общество: от теории к практике: монография. Книга 2 / Д. Р. Адизова, О. В. Алексеева, И. Э. Алиджанова; под ред. И. М. Ковчиной – Ставрополь: Логос.

Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н. 2017. Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: теоретические основы: Монография. Южный федеральный университет. – Таганрог: ЮФУ.

Крюкова Т.Л. 2008. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. Т. 2, № 2, 88–95.

Нартова-Бочавер С.К. 1997. Копинг-поведение в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – № 4., 5-15.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., 2014. <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.

Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.- практ. конф. Кострома, 26-28 сент. 2013 г.: в 2 т. / отв. ред.: Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – Т. 1, 252-253.

Толочек В.А. 2015. Подобные структуры стилей деятельности как фактор успешности субъекта / Вопросы психологии. № 6, 112-122

Харланова Е.М. 2011. Исследование социальной активности студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. № 5 (10), 173-178.

Холодная М.А. 2004. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. – СПб.: Питер.

Эксакусто Т.В. 2011. Теоретические основы социально-психологической безопасности: Монография / под ред. Н.А. Лызь. – Таганрог: ТТИ ЮФУ.

Armstrong, S. J. 2000. The influence of individual cognitive style on performance in management education [Текст] // Educational Psychology. – V. 20 (3), 323-339;

Laurence, M. W., Arrowood, A. J. 1982. Classification style differences in the elderly [Текст] // Aging and cognitive processes. – V. 8. – P. 213-220; Miller, A. Cognitive styles: An integrated model [Текст] // Educat. Psychology, 1987. – V. 7, 251–268

Witkin, H. A., Goodenough, D. R. 1982. Cognitive styles: Essence and Origins. Field dependence and field independence [Текст]. – N. Y.

Информация об авторах:

Истратова Оксана Николаевна

Доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, кандидат психологических наук, доцент.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Институт компьютерных технологий и информационной безопасности.

Таганрог, Ростовская область

e-mail: oksana-istratova@yandex.ru

Кибальченко Ирина Александровна

Профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, доктор психологических наук, доцент.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Институт компьютерных технологий и информационной безопасности.

Таганрог, Ростовская область

e-mail: kibal-irina@mail.ru